

РЭЙ
ОЛЬДЕНБУРГ

ТРЕТЬЕ МЕСТО

КАФЕ, КОФЕЙНИ,
КНИЖНЫЕ
МАГАЗИНЫ, БАРЫ,
САЛОНЫ КРАСОТЫ
И ДРУГИЕ МЕСТА
«ТУСОВОК»
КАК ФУНДАМЕНТ
СООБЩЕСТВА

STUDIA

URBANICA

Studia Urbanica

Рэй Ольденбург

**Третье место. Кафе, кофейни,
книжные магазины, бары, салоны
красоты и другие места «тусовок»
как фундамент сообщества**

«НЛО»

1989, 1997, 1999

УДК 316.334.56

ББК 60.546.21

Ольденбург Р.

Третье место. Кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург — «НЛО», 1989, 1997, 1999 — (Studia Urbanica)

ISBN 978-5-4448-1037-8

Книга Рэя Ольденбурга рассказывает о жизни и смерти общественных пространств в американских городах. «Третье место» (после дома – «номера первого» и работы – «номера второго») – это общественные места для неформальных встреч: кафе, библиотеки, магазины, аптеки и т. д., где люди в любое удобное для них время могут свободно и непринужденно общаться. Именно эти места отдыха, развлечений, обмена мнениями и пр. являются важнейшей частью повседневной жизни горожан, формируют городскую среду, и именно на них как на оплоте социальной жизни сосредоточено внимание автора. Книга Р. Ольденбурга подкупает не столько силой научной мысли, сколько живым умом и житейской мудростью. И главное ее достоинство – она заставляет задуматься над тем, что мы видим вокруг, и тем, что привыкли считать «нормальным». Вероятно, благодаря таким книгам можно изменить наши города к лучшему.

УДК 316.334.56

ББК 60.546.21

ISBN 978-5-4448-1037-8

© Ольденбург Р., 1989, 1997, 1999

© НЛО, 1989, 1997, 1999

Содержание

Предисловие	5
Предисловие ко второму изданию	8
Введение	19
Благодарности	21
Часть I	22
Глава 1	22
При отсутствии неформальной публичной жизни	26
В поисках решения: третье место	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рэй Ольденбург

Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества

Джудит и нашим детям Джесси, Марин и Карлу

Удовольствие нашей жизни, которое делает приемлемым боль рождения и смерти, состоит в существовании других людей и нашем общении с ними: не всегда в их душевном складе, в их сердцах, в их разумах целиком, но в том, как день ото дня они исправляют беспорядок человеческого существования. Не может ли это стать также предметом нашего искусства и литературы?..

Генри Фэйрли

Жизнь сообщества существует, когда можно каждый день приходить в конкретное место в конкретное время и видеть там много знакомых людей.

Филипп Слэйтер

Джордж Дейн: Я знаю, как назову его... «Великое Хорошее Место».

Брат: Сам я назвал его «Великая Удовлетворенная Потребность».

Джордж Дейн: О да, именно!

Из рассказа Генри Джеймса «Великое Хорошее Место»

Предисловие

Мой интерес к приятным местам встреч, в которых собираются жители окружающих домов, к «домам вдали от дома», где чужие люди становятся близкими, почти так же стар, как я сам. Дети, мне кажется, инстинктивно подстраиваются под климат человеческих отношений вокруг них и испытывают внутреннюю радость и безмятежность – ощущение, что все хорошо, – когда окружающие их взрослые расслабляются и смеются в компании. По крайней мере, такая реакция была у меня. Возможно, именно в тот зимний вечер, когда мне шел пятый год и мой старший двоюродный брат взял меня с собой на городской каток и усадил среди веселой и воодушевленной компании в палатке для отогрева, я впервые вкусил радостей опьяняющего общественного единства. Никогда с тех пор я не терял к ним аппетита.

Последующая учеба на социологическом факультете помогла мне понять, что когда достойные граждане сообщества находят места, чтобы проводить там друг с другом целые часы без конкретной или очевидной цели, то в этом общении *есть* своя цель. Более того, наиболее важные задачи или функции, которые выполняют неформальные общественные места встреч, не могут выполнять никакие другие институции. Во всех великих культурах кипела неформальная общественная жизнь, и в них обязательно развивались собственные версии мест, где эта жизнь происходила.

Осознавать важность наличия неформальной общественной жизни в нашем обществе – значит проявлять заботу о его будущем. Сейчас (и это продолжается уже какое-то время) направление городского роста и развития в Соединенных Штатах враждебно по отношению к неформальной общественной жизни; сегодня нам не удастся создать достаточное количество

подходящих мест для встреч, которые необходимы для неформальной общественной жизни. Соответственно, наша низовая демократия слабее, чем в прошлом, а наши индивидуальные жизни не настолько богаты. Поэтому я всегда с настойчивостью пишу или высказываюсь на эту тему.

Я начал проявлять активный профессиональный интерес к данной теме около десяти лет назад. Впервые я озвучил свою позицию на региональном съезде социологов в 1977 г. В 1980 г. мы с коллегой написали статью в популяризаторском духе, которая впоследствии была перепечатана как минимум в девяти других периодических изданиях и книгах. В 1983 г. мы опубликовали более длинную и академическую версию этой статьи в профессиональном журнале. Аудитория приняла ее благосклонно, но у нас осталось некоторое замешательство от того, что пришлось сжать все до объема, который позволял формат статьи. Прошедшие с тех пор шесть лет я бился над трактатом длиной в книгу, которого эта тема, несомненно, заслуживает. После серии неудавшихся попыток начать писать стало ясно, что я не удовлетворюсь тем, чтобы писать только для других социологов, и не желаю предьявлять читателю одно лишь описание, из которого часто состоят хорошие социологические работы.

Я хотел выступить в защиту неформальной общественной жизни и «Великих Хороших Мест»¹, жизненно важных для нее. В широкомасштабном разрушении такого рода мест в Соединенных Штатах есть какая-то настойчивость; у нас не хватает аргументов даже для того, чтобы защитить саму *идею* их существования. Важность неформальных мест для встреч не является глубоко укорененной в нашей молодой культуре, а граждане недостаточно подкованы для рациональной аргументации в их поддержку. Даже у тех, кто интуитивно понял бы и поддержал все, что я собираюсь здесь сказать (а таких людей немало), слишком мало в запасе аргументов. В мире, который становится все более рациональным и управляемым, должны найтись действенные слова и логическое обоснование для развития всего, что должно выжить. Могу лишь надеяться, что мои усилия поспособствуют формированию того, что впоследствии станет широким пониманием необходимости активной неформальной общественной жизни.

Я отверг позу и язык научного доклада и собираюсь в равной степени и поддерживать, и анализировать третьи места общества. Подобно судебному поверенному, я защищаю достойнейшего клиента, который может столкнуться с забвением, и буду выполнять свою задачу с использованием того языка, который смогут понять присяжные. Присяжные – выходцы из среднего класса, образованные и обладающие выбором, где и как им жить. Они способны выносить суждения относительно вопроса, здесь перед ними изложенного, и действовать согласно этим суждениям. Подобно хитрому адвокату, я постарался выстроить свое повествование и иллюстрации так, чтобы задеть струну отзывчивости в этих присяжных.

Лишь правда будет служить интересам моего клиента, и мое решение воздержаться от формы научного доклада не предполагает никакого намерения неточно и небрежно обращаться с фактами. Я предпринимал всевозможные меры, чтобы представить обсуждаемые феномены в том виде, в котором они предстают в реальном мире. Определяя ключевые характеристики неформальных общественных мест для встреч и их воздействие на человека и общество, я удостоверился, что каждый сделанный вывод соответствует моему собственному небольшому опыту полевых исследований; что каждый из них был наблюдаем и описан другими и что каждый из них был представлен для критики в лекционном зале. Также было принято решение добавить шесть глав в качестве «примеров из реальной жизни» (главы 5—10), каждая из которых подтверждает основные положения, выдвинутые в первых главах. Наконец, на моей стороне было время. В первые годы моих исследований по данной теме многие факты, казалось, не соответствовали формирующемуся у меня впечатлению о третьих местах. Чело-

---

¹ Литературная аллюзия к одноименному рассказу Генри Джеймса (1900), в котором герой мечтает об идеальном месте для отдыха от шумного мира и восстановления душевного спокойствия. – Прим. ред.

веку свойственно желать отбросить неудобные факты, не доверять им или просто «забыть» о них. Однако эти факты – скрытые союзники. Они – ключ к более глубокому пониманию проблемы, которая стоит перед исследователем, но нужно время, чтобы сложить упрямые детали в мозаику. По современным стандартам научной производительности, я потратил на этот проект слишком много времени. Однако природа моего предмета исследования была такова, что это дополнительное время оказалось моим лучшим методологическим приемом.

Исследователи общества, которые захотят использовать этот труд, смогут распознать за простым языком и «судебными прениями» знакомую структуру. Первая часть книги посвящена созданию идеально-типического «места действия» неформальной общественной жизни, с которым можно соотносить конкретные примеры. Вторая часть предлагает разнообразие (реальных) культурных и исторических примеров, основанных на лучшей и, временами, единственно доступной нам информации. Эти примеры служат некоторым, и, я надеюсь, существенным, доказательством и проверкой идеального типа. Последняя часть посвящена вопросам, относящимся к неформальной общественной жизни, и хотя мои коллеги, вероятно, будут не согласны с моей точкой зрения или с тем фактом, что я позволил себе ее высказать, они вряд ли будут оспаривать важность поднятых мною вопросов.

Значительная часть полевой работы, связанной с этим трудом, следовала процедурам, принятым в сравнительном анализе или используемым для создания «обоснованной теории». Придерживаясь данного подхода, я использовал дополнительные данные везде, где мог их найти.

Тем, кто пожелает прочитать другую авторскую версию тезиса о третьем месте, можно рекомендовать работу Филиппа Арьеса под названием «Семья и город», напечатанную в журнале *Daedalus* в весеннем выпуске 1977 г. В ней следует лишь интерпретировать «кафе» французского Арьеса в обобщающем смысле. Я наткнулся на статью Арьеса к концу моей собственной работы над книгой и задумался о таком временном совпадении. Хотя прочтение его статьи на ранних стадиях моей работы ускорило бы развитие моей собственной, более широкой перспективы, я был избавлен от присущего его анализу пессимизма.

Основная масса социологических работ на тему неформальных общественных мест для встреч состоит из этнографических описаний, которые еще предстоит объединить в более абстрактных и аналитических работах, посвященных месту и общественным функциям этих центров неформальной общественной жизни общества. Социологи могут спросить себя, почему так мало было сделано в этой области со времен короткого эссе Георга Зиммеля об общении, написанного более полувека назад.

Наконец, я хотел бы обратить внимание коллег на кажущиеся захватывающими возможности кросс-культурных исследований качества неформальной общественной жизни. Самые полезные и подходящие данные всегда находятся в сфере публичного пользования, а приглашение к зарубежным путешествиям не нуждается в долгом поощрении. Послужит ли данная книга путеводителем для подобных работ или просто вдохновит их, не имеет значения. Важно, чтобы такие исследования в принципе проводились, хотя бы для того, чтобы помочь нашей стране восстановить вид человеческого общения, необходимый для любой демократии.

Предисловие ко второму изданию

Первоначальное предисловие служит стандартной цели изложения вступительных замечаний; второе – предоставляет автору роскошь выбора. Хотя заманчиво рассказать здесь о многочисленных и разнообразных примерах из опыта, отзывах и активной переписке, о родственных душах, встреченных в результате публикации «Третьего места» шесть лет назад, отведенное пространство можно использовать с большей пользой.

Это второе предисловие посвящено тем читателям, которые испытывают нечто большее, чем случайный интерес к вопросам, рассматриваемым в данной книге. В первую очередь оно – для тех, кто хочет узнать больше и сделать больше в интересах сообщества, общественной дискуссии и гражданского сознания. Оно – для тех, кто верит в общественную жизнь и потребность восстановить ее.

Здесь излагаются два небольших дополнения к изданию, и оба они должны поспособствовать полезности книги. Во-первых, я предложу рекомендации относительно дополнительного чтения. Во-вторых, я изложу перечень разнообразных функций «третьих мест» по построению сообщества, который можно быстро просмотреть и оценить сильные и слабые стороны любого конкретного района или города. Некоторые из них более подробно рассматриваются в самой книге; другие вводятся здесь впервые.

За короткий период после публикации «Третьего места» появилось много книг на близкие темы. Кажется, Америка сегодня переживает массовую переоценку неформальной общественной жизни. Выражаясь самым простым языком, мы попали, куда мы хотели, а теперь нам не нравится там, где мы есть. Мы уже превратились в пригородную нацию – единственную в мире. Наша миграция в пригороды – как из центров городов, так и из сельской глуши – была, по выражению Льюиса Мамфорда², «коллективной попыткой жить частной жизнью». Мы стремились к комфорту и домам, обеспеченным всем необходимым, а также к свободе от неудобного общения и обязанностей гражданина. Мы этого достигли.

Будто чтобы скрепить печатью вынесенный нам судьбой приговор, по всей стране копировались и внедрялись проектировочные постановления, запрещающие элементам сообщества вторгаться в жилые кварталы. В районах, построенных в послевоенной Америке, некуда ходить пешком и негде собираться. Их физические декорации, по сути, гарантируют невосприимчивость к попыткам создания сообщества.

Предпочитаемый и повсеместный у нас способ городской застройки враждебен и для прогулок, и для бесед. Во время прогулок люди становятся частью своей территории; они встречают других людей, они становятся стражами своих районов. В беседе люди узнают друг друга; они находят и развивают общие интересы и реализуют коллективные способности, жизненно важные для сообщества и демократии.

Именно эта перспектива, это осознание ужасной цены пригородного строительства в том виде, в котором оно у нас существует, определяет значительную часть моего списка литературы и моей работы. До публикации этой книги я находил родственные души почти исключительно в написанных ими книгах, и я рад сообщить, что текущее десятилетие стало свидетелем растущего количества томов, посвященных нашему предмету.

Мои рекомендации по поводу дополнительного чтения субъективны и неполны. Они включают оказавших наибольшее влияние на меня авторов, чьи книги, вне зависимости от даты их публикации, на мой взгляд, имеют сегодня наибольшую актуальность.

---

² Льюис Мамфорд (1895–1990) – американский историк, социолог, философ техники, теоретик урбанизма, автор нескольких книг по культуре и истории городов. – *Прим. пер.*

Не могу не начать с книги «Смерть и жизнь больших американских городов» Джейн Джекобс³ (Jane Jacobs. *The Death and Life of Great American Cities*). Несмотря на весь ужас и оцепенение, которые она вызвала в кругах архитекторов и планировщиков, она оказала огромную услугу всем нам. Можно лишь изумляться и глубине, и количеству ее прозрений. В том же году, что и моя книга, вышла выдержанная вполне в рамках традиции Джекобс работа Роберты Грац «Живой город»⁴ (Roberta Gratz. *The Living City*). В книге Грац сопоставляются успешные попытки перестройки районов на низовом уровне и те бедствия, которые принесло «городское обновление».

«Сердце наших городов» Виктора Грюна (Victor Gruen. *The Heart of Our Cities*) – книга, все еще достойная не только приобретения, но и использования в качестве справочника по всем аспектам городского и районного развития. Грюн – тот человек, который придумал и спроектировал первый в США крытый торговый центр. Впоследствии он открестился от титула «отца торговых центров», так как его идея была сведена к одной коммерческой выгоде. Он же представлял себе настоящий центр сообщества.

Еще одна книга, которую я затер почти до дыр, – маленькая и очень легкая для чтения работа Вольфа фон Экардта под названием «Назад, к чертежной доске» (Wolf Von Eckardt. *Back to the Drawing Board*). Как и Грюн, фон Экардт защищает идею участия граждан в городском планировании, и он хорошо понимает, что это может произойти только на уровне соседских кварталов.

Лучшее описание того, чему мы можем научиться у Старого Света, я обнаружил в книге Бернарда Рудофски «Улицы для людей» (Bernard Rudofsky. *Streets for People*) – богато иллюстрированной и подробной работе о создаваемых архитектурой предпосылках процветающей общественной жизни. В соответствии с общим духом текста она посвящена «Неизвестному Прохожему», и ни одна из десятков ее иллюстраций нисколько не похожа на наши районы.

Поток книг, появившийся в ответ на «рейтинги мест», опубликованные в 1980-х гг., почти привел к возникновению нового книжного жанра. Эти рейтинги городов составлялись на основе сравнительных количественных данных о здоровье, преступности, образовании и т. д. Признавая, что слепая вера в подобные критерии может привести человека к тому, чтобы переехать жить в «Город N, США», современные авторы задались более важным вопросом: «Интересно ли это место для жизни?»

«Американские города в стиле фанк» Марка Крамера (Mark Cramer. *Funkytowns USA*) и «Хорошее место для жизни» Терри Пинделла (Terry Pindell. *A Good Place to Live*) выступают приятным контрастом к основанным на переписях и таблицах отчетам. Пинделл достаточно глубоко рассматривает около дюжины лучших мест в США, о которых он когда-либо слышал. И пишет он хорошо; можно почти почувствовать, как сопровождаешь его в путешествиях. В книге Крамера говорится о намного большем количестве городков и городов, и, как предложил один критик, ее следует класть в бардачок всех сдаваемых в аренду машин.

«Лучшее место для жизни» Филиппа Лэнгдона (Philip Langdon. *A Better Place to Live*) – это кропотливое исследование того, как придать американским пригородам облик былых времен. Когда мы касаемся неизбежного вопроса о том, как следует переписать коды строительства и зонирования, эта книга должна быть одной из главных. «Новый урбанизм» Питера Катца (Peter Katz. *The New Urbanism*) подробно описывает и иллюстрирует более двадцати случаев застройки и перестройки. Здесь собраны наиболее успешные попытки наших архитекторов по воссозданию сообщества. Заключительное эссе (Послесловие), написанное Винсом Скалли (Vince Scully), заслуживает особого внимания.

---

³ Джекобс Дж. (2011) Смерть и жизнь больших американских городов, пер. с англ. Л. Мотылева. М.: Новое издательство.

⁴ Грац Р. (1995) Город в Америке: жители и власть, пер. с англ. В.Л. Глазычева. М.: Издательство «Ладья».

Недавно появилась и уже выходит вторым изданием книга «Параллельные утопии» Ричарда Секстона (Richard Sexton. *Parallel Utopias*), глубоко исследующая обоснование и реализацию двух достойных внимания попыток создания сообщества сегодня. В ней внимательно изучаются сообщество Сисайд в штате Флорида (основанное на городской модели, несмотря на свое месторасположение) и сообщество Сирэнч в Калифорнии (основанное на модели сельского сообщества). Секстон – первоклассный фотограф, и иллюстрации в этой книге хороши так же, как и описания.

Работа, которая привлекает всеобщее внимание, когда в своих поездках я показываю ее, – это «Городские удобства» Дэвида Сачера (David Sucher. *City Comforts*). Здесь содержится много предложений – все отраженные в фотографиях – «мелких хирургических вмешательств» и скромных добавлений, которые вместе делают жизнь в публичной среде более привлекательной, удобной и пригодной для жизни.

Эксперт в этих вопросах, конечно, Уильям Х. Уайт (William H. Whyte), и если его более крупный том «Город» (*City*) кажется немного устрашающим, то небольшая и хорошо иллюстрированная «Общественная жизнь небольших городских пространств» (*The Social Life of Small Urban Spaces*) определенно соблазнит читателя узнать больше о проведенных с чрезвычайной тщательностью исследованиях Уайта. Многие городские центры были возрождены в соответствии с теми предложениями, которые смог сформулировать Уайт.

Политическое значение «третьих мест» прекрасно показано в книге Сары Эванс и Гарри Бойта под названием «Свободные пространства» (Sara Evans and Harry Boyte. *Free Spaces*). Авторы убедительно доказывают, что такие места стали намного более важными после того, как индустриализация разделила дом и рабочее место, и что они служат сохранению народной демократии в условиях растущего контроля одновременно со стороны правительства и со стороны корпораций.

В «Восстании элит» Кристофера Лэша⁵ (Christopher Lasch. *The Revolt of the Elites*) обсуждение «гражданских искусств» и искусства спора вносит вклад в развитие основного аргумента о том, что профессиональные и управленческие элиты Америки мало заинтересованы в широком среднем классе нашего общества и слабо связаны со страной и местом жизнедеятельности. Сфера их интересов – глобальная экономика, и их «туристическое отношение» к месту дает нам повод одновременно сожалеть о контроле, который они имеют над нами, и сражаться за наше собственное место.

Поскольку общественная жизнь сегодня населена незнакомцами больше чем когда-либо; поскольку незнакомцы пугают нас больше чем когда-либо; поскольку существование сообществ тем не менее зависит от успешной интеграции чужаков, я также рекомендую книги о них. «Мир незнакомцев» Лин Лофланд (Lyn Lofland. *A World of Strangers*) стал современной классикой. «Потребности незнакомцев» Майкла Игнатьева (Michael Ignatieff. *The Needs of Strangers*) заставляет задуматься, а «Компания незнакомцев» Паркера Палмера (Parker Palmer. *A Company of Strangers*) – настоящее удовольствие для читателя.

Перед тем как перейти ко второй части этого предисловия, хочу упомянуть еще один род литературы, в настоящий момент набирающей обороты и представляющей особый интерес для тех, кого заботит общественная жизнь. Я имею в виду «гражданскую журналистику», или «журналистику сообщества», или «журналистику граждан», как ее называют разные источники. Хотя ее точные цели и способ функционирования все еще обсуждаются, существует общий консенсус по поводу того, что недостаточное участие граждан – это пробел, который желательно восполнить.

---

⁵ Лэш К. (2002) Восстание элит и предательство демократии, пер. с англ. Дж. Смити, К. Голубович. М.: Издательство «Логос», Издательство «Прогресс».

Читателям стоит ожидать, что газеты начнут поощрять гражданское участие в большинстве аспектов развития сообществ; что для более рациональной и умеренной дискуссии будет приглашаться больше умеренных представителей; что журналистские репортажи пойдут дальше обычных событий и будут представлять развитие проблем на фоне тенденций и моделей. Развитие событий и предложений все чаще будет представлено в контексте. Ожидается, что газеты будут менее, чем раньше, связаны с конкретными политиками и бизнес-сообществом, а больше – с гражданами, которые пытаются «прожить хорошую жизнь в хорошем городе».

Причины подобных перемен в печатной журналистике многочисленны. Здесь достаточно отметить, что результат дает нам повод порадоваться: одна из наших институций уходит от профессиональной элитарности, служащей плохую службу гражданам демократического государства. По мере того как газеты начнут чаще обращаться к обычным гражданам, те также начнут больше к ним прислушиваться.

Как указано выше, остаток данного предисловия будет посвящен функциям создания сообщества, которые «третьи места» обычно выполняют. Чаще всего я называю такие места «третьими» (после дома – «номера первого» и работы – «номера второго»), и это – неформальные общественные места для встреч. Эти места лучше всего служат сообществу в той степени, в которой они *принимают всех* и являются *локальными*.

Первая и самая главная функция третьих мест – объединение района. Во многих сообществах почтовое отделение хорошо выполняло эту функцию, когда у каждого там был почтовый ящик, когда все должны были идти или ехать к нему и когда, по закону, оно было открыто двадцать четыре часа в сутки. Хотя там не было мест для сидения, это было такое место, где люди встречались и хотя бы коротко разговаривали друг с другом.

Аптеки также позволяли пообщаться почти всем со всеми в течение среднестатистической недели или месяца. Так получалось потому, что кроме лекарств в аптеках предлагалось много других услуг, необходимых людям. Также обычно аптеки находились в хорошем (центральном) месте города или района.

Места, подобные этим, которыми пользуются практически все, вскоре создают среду, где каждый знает почти всех. В большинстве случаев нельзя сказать, что все будут *нравиться* всем или даже большинству. Однако важно знать каждого, чтобы представлять себе, каким образом они по-разному «добавляют» к общему благосостоянию и «убавляют» от него; знать, чем они смогут помочь в случае разнообразных проблем или кризисов, и научиться легко общаться со всеми в районе, невзирая на то какие *чувства* ты к ним испытываешь. Третье место – это своего рода «смеситель».

Ассимиляция – это функция, для которой третьи места хорошо подходят. Они служат «портом прибытия» для приезжих и местом, где новичков можно представить многим из тех, кто уже живет здесь. У Андреса Дюани⁶ есть шутка о мужчине, который провел два дня, пытаясь разыскать одного жителя квартала. В этом шутовском рассказе подчеркивается тот факт, что наши послевоенные жилые районы крайне враждебны по отношению к незнакомцам, аутсайдерам и новым жителям. Улицы обычно пусты, и нет никаких местных коммерческих заведений, куда можно зайти, чтобы спросить дорогу.

В этом кроется большая доля иронии. Как только Америка стала тем высокоавтомобильным обществом, которым она сегодня является, где около двадцати процентов населения меняют место жительства каждый год, можно было бы подумать, что кварталы будут спроектированы таким образом, чтобы люди могли быстро и легко в них интегрироваться. Однако на самом деле произошло нечто совершенно противоположное. Чем больше люди переезжали (или переме-

---

⁶ Андрес Дюани (р. 1949) – американский архитектор и городской планировщик. – *Прим. пер.*

щались компаниями, которые их нанимали), тем сложнее становилось проникнуть в жилые районы Америки.

Связанные с этим трудности (а их много) навлекаются не одними только переехавшими. Город и район также страдают, когда не удается интегрировать новоприбывших и заручиться их поддержкой для улучшения жизни сообщества.

Один-единственный визит «Приветственной повозки»⁷ – плохая замена дружеской таверне или кофейному прилавку, где человеку рады *всегда*. «Нейтральная территория» (пространство, где человек не отягощен ролью хозяина или гостя) третьего места предлагает восхитительную простоту общения, которая так важна для жизни сообщества. Люди могут приходить и уходить, когда им удобно, и они никому не обязаны. Рано или поздно человек встречает там всех жителей района или иным образом узнает о них.

В этом отношении третьи места также служат «сортировочными узлами». Широкомасштабное общение, которое они предоставляют, в конечном итоге ведет к элементам «социометрии». То есть люди обнаруживают, что им очень нравятся одни люди и не нравятся другие. Они находят людей с похожими интересами, а также тех, чьи интересы не похожи на их, но все равно интересны. Третьи места часто служат тому, чтобы впервые свести людей вместе – людей, которые позже создадут другие формы общения.

В настоящих сообществах есть коллективные достижения. Люди работают вместе и сотрудничают друг с другом, чтобы сделать то, чего человек не может сделать в одиночку. Хотя многие из такого рода усилий неформальны, они тем не менее требуют общего понимания того, кто что умеет делать; навыков, способностей и взглядов жителей квартала. Третьи места служат для того, чтобы рассортировать людей в соответствии с их потенциальной полезностью в коллективных предприятиях.

С этим связана функция третьего места как организационного пункта. В критических локальных ситуациях люди обычно считают необходимым помогать друг другу в той же мере, а то и больше, чем это делают городские власти. Сильные ураганы и другие катаклизмы часто требуют собрания и мобилизации местных жителей для помощи друг другу. Но где? Не так давно после шестивия урагана «Эндрю» по югу Флориды многие люди выбирались из-под развалин, чувствуя потребность увидеться с другими, чтобы узнать о степени разрушений и масштабах ущерба; узнать, что уже делается; как они могут помочь или получить помощь – однако у большинства из них не было мест для собрания. Старательное зонирование лишило этих людей их «третьих мест»!

Третьи места также обеспечивают наличие тех, кого Джейн Джекобс называет «публичными персонажами». Это люди, которые знают всех в округе и заботятся о своем районе. Обычно это владельцы или продавцы магазинов, которые «присматривают» за тем, что происходит поблизости. Именно эти люди предупреждают родителей о том, чем их дети иногда занимаются, еще до того, как это вынуждена будет сделать полиция. Также это люди, которые с высокой долей вероятности первыми вступят в контакт с новичками в этом районе.

Пригородное зонирование сменило «публичных персонажей» на продавцов и их наемных работников в торговых центрах и на торговых улицах. Сети магазинов, в которых работают эти люди, процветают, разоряя местные коммерческие учреждения, а люди, которые управляют торговыми сетями, не делают для сообщества ничего похожего на работу «публичных персонажей».

В отрицательно зонированном жилом районе редко возникает «публичный персонаж», ибо отсутствуют способы, с помощью которых люди могли бы со всеми познакомиться.

---

⁷ «Приветственная повозка» (англ. Welcome Wagon) – основанная в 1928 г. американская компания, представители которой посещают недавно переехавших домовладельцев и предлагают им скидки и рекламу местных фирм. – *Прим. пер.*

Если привычка девелопера⁸ называть построенное здание «родным домом» – это небольшая натяжка, то она не идет ни в какое сравнение с представлением пригородного квартала как «сообщества», так как это именно то, чем он *не* является.

Среди благороднейших из функций третьего места, которая теперь редко где воспринимается серьезно, – совместный расслабленный и приятный отдых молодежи и взрослых. Грозная враждебность и недопонимание между поколениями, отчуждение взрослых от молодежи и боязнь молодежи, рост насилия среди подростков – у всех этих и других связанных с молодежью проблем есть общая причина: все большее отдаление молодежи от взрослых в американском обществе.

Растить детей было легче, когда родители получали значительную помощь от других жителей района, которые знали детей и не только присматривали за ними, но и в целом были не против их присутствия. То, каким образом старое и молодое поколения дразнили, баловали, воспитывали и развлекали друг друга, уже почти стерлось из памяти, как и преподанные друг другу уроки, заданные образцы и достойные подражания уважаемые местные личности.

Сейчас, когда многие матери не сидят дома, тем более вызывает сожаление тот факт, что семья так слабо связана (если связана вообще) с другими людьми в районе. Там, где в жилых районах существуют третьи места, на которые претендуют абсолютно все, они остаются одними из немногих мест, где поколения еще наслаждаются компанией друг друга.

Третьи места служат и пожилым людям. Прискорбно, что многие пожилые и вышедшие на пенсию люди считают желательным окончательно мигрировать в какое-нибудь «сообщество пожилых граждан». Прискорбно, что районы, в которых они работали и растили детей, сегодня могут предложить им так мало возможностей для поддержания связей с соседями и сообществом.

В этой книге нет главы о пожилых и вышедших на пенсию людях. Я был ограничен в объеме и решил, что напишу главу о детях, основываясь на той логике, что у детей меньше возможностей и подготовки, чтобы говорить самим за себя.

Конечно, должна быть глава о старшем поколении, и не только ради него самого. Третьи места – это, как правило, коммерческие заведения, и в «мертвые часы» они получают прибыль от пенсионеров, которые могут занять кабинки и кресла, пока все остальные посетители на работе или в школе. Более того, вышедшие на пенсию люди обычно более общительны и цивилизованны. Больше не надрываясь ради того, чтобы выжить, они начинают выше ценить хороший разговор и наслаждаются тем, что другие люди составляют им компанию.

В данный момент мне не вспомнить, кто первым написал, что городское планирование, которое соответствует потребностям детей и престарелых, будет хорошим для каждого, но более верные слова трудно найти. Несколько лет назад я участвовал в «оценочном исследовании» программы для вышедших на пенсию людей в одном городке в Миннесоте, где едва насчитывалось семь тысяч человек. Мероприятия в рамках этой программы проводились в основном в цокольных помещениях двух крупнейших в городе церквей.

Участие в этой программе было скромным, а энтузиазм – невысоким. Я провел там три полных дня и не мог понять ее цель, хотя все, с кем я говорил, настаивали, что нечто важное делается «для пожилых». Четвертый день начался с заседания в конференц-зале крупнейшего в городке банка. Когда заседание было закрыто, я задержался и встал перед нашим ведущим, когда он собирался уходить. Остались только мы вдвоем, и я спросил его: «О чем все это?!» Захваченный врасплох, он пробормотал: «Ну, мы должны были убрать их с улицы».

---

⁸ Девелопер (от англ. real estate development – «развитие недвижимости») – предприниматель, организующий строительство и реконструкцию, «развитие» объектов недвижимости с целью повышения их стоимости и последующей продажи или сдачи в аренду; инвестор-застройщик, не занимающийся непосредственно строительством. – *Прим. пер.*

Важная вещь, которую делают якобы «для» пожилых, – это убрать их с дороги, как бездомных в Атланте накануне Олимпийских игр.

Народ постарше в этом городке, конечно, стремился посидеть вдоль тротуаров в хорошую погоду и задержаться подольше в кофейнях, магазинах, закусочных и тавернах. Здесь собирались люди, более всего настроенные на получение удовольствия от сообщества, и те, у кого теперь было время насладиться коллективным общением. Однако «сторонники улучшения городского пространства» собирались отказать им в этой заслуженной награде. То, что старшее поколение давало сообществу, в котором они жили, больше не ценилось.

Третьи места дают возможность вышедшим на пенсию людям не потерять связь с теми, кто еще работает, а в лучших случаях обеспечивают общение самого старого и самого молодого поколений.

Затруднительная ситуация пожилых людей и в целом всех тех, кто живет на фиксированные доходы, делает особенно актуальной еще одну важную функцию третьих мест – ту, которую выполняют все «общества взаимопомощи». В компанейской атмосфере третьих мест люди получают возможность узнать друг друга, проникнуться приязнью, а впоследствии – заботиться друг о друге. Когда люди проявляют взаимную заботу, они заинтересованы в благополучии друг друга; и это намного лучшая форма социальной защиты, чем та, которую предлагают государственные программы. Она основана на взаимном согласии, искреннем сочувствии и реальном понимании чьей-то жизненной ситуации. Здесь нет «рядовых случаев».

Завсегдатаи третьего места оказывают друг другу услуги так, как они делали бы для кровных родственников или старых друзей. Они отдают вещи, которые им больше не нужны; берут на время то, что им сейчас необходимо; они делают все, что могут, чтобы облегчить горе, когда оно обрушивается на кого-то из их «компашки». Если кто-то не появляется пару дней в привычном месте, его пойдут проведать.

Финансовые выгоды от всего этого получаются значительные. Кто-то из группы умеет чинить газонокосилки. Кто-то другой умеет обращаться с сантехниккой и домашними бытовыми приборами или знает кого-то, кто может починить их за меньшую цену. Совет, помогающий сэкономить денег, исходит от тех членов группы, которые раньше сталкивались с проблемой. Иногда, когда коллективные ресурсы группы, увы, недостаточны, человеку советуют раскошелиться. Однако часто в этом нет необходимости.

Кажется, в первом фильме о «Данди по прозвищу Крокодил» главный герой удивляется, когда слышит, что кто-то заплатил психиатру, чтобы тот выслушал его проблемы. «Для этого же есть друзья!» – так, кажется, он ответил. Я убежден, что групповая поддержка, присущая товариществу третьего места, также экономит многим людям расходы на «профессиональных слушателей».

Этот союз друзей предполагает еще одну функцию третьего места. У человека может быть много друзей, и он может с ними часто встречаться *только* при условии, что есть место, которое он можно посещать ежедневно и где можно устраивать дружеские встречи.

Друзья, собравшиеся одновременно в большом количестве, создают особое праздничное настроение. Общаться относительно легко, так как от каждого требуется участие только в свою «часть времени». Смех – частый гость там, где собирается много друзей. В дружеской компании гонка конкурентной борьбы и изнуряющий стресс земного мира «поставлены на паузу».

В середине этого длинного перечня функций третьего места хорошо бы отметить, что фундаментальной мотивацией такого рода участия не являются ни личная выгода, ни гражданский долг. Основная мотивация, та, которая снова и снова тянет людей вернуться, – это *веселье*. Прискорбно, что так много американцев, когда они видят компанию, полностью поглощенную «решением мировых проблем», считают, что люди просто легкомысленно тратят время.

Возможно, функцию «веселья» в третьих местах лучше рассматривать как функцию развлечения. Очень жаль, что в Соединенных Штатах развлечение практически полностью выро-

дилось в индустрию. Мы развлекаемся пассивно, мы развлекаемся в одиночку, и развлечение часто кажется нам скучным...

В третьих местах развлечение обеспечивают сами люди. Основное занятие там – разговор, который может изменять характер от бурного к беззаботному, от серьезного к остроумному, от поучительного к пустому. А пока идет разговор, «знакомые» превращаются в индивидуальности, а «индивидуальности» становятся настоящими личностями – единственными во всем мире, причем каждая из них добавляет яркости к нашей жизни.

Основная альтернатива развлечению посредством участия – телевидение, которое на самом деле недостаточно интересно, чтобы заслужить все обвинения, которые на него обрушивают. Критики обычно упускают из виду тот факт, что у телевидения нет альтернативы. Сколько американцев, перешелкав все каналы и устав от всего этого, захотели бы надеть куртку и пройти до угла, чтобы выпить бокал холодного пива с друзьями! Ах, но мы ведь позаботились о том, чтобы на углу не было ничего, кроме очередного жилого дома... вот уж действительно, ничего здесь не найдешь на доступном для пешехода расстоянии.

Мы можем напомнить себе о сущности так называемых культур *joie de vivre* («радости жизни»). Она состоит в способности ее представителей развлекаться во множестве общественных мест, и делать это можно ежедневно, не тратя много денег и не испытывая никаких неудобств. Мы можем посмеиваться над их простым образом жизни, над отсутствием у них технологических гаджетов, над тем, что их жилища скромнее, чем наши. Но, по большому счету, они наслаждаются жизнью и отдают больший приоритет человеческим отношениям, а не зарабатыванию денег.

Растущая проблема автомобильного загрязнения Америки наталкивает нас на мысль о связанной с этим функции третьих мест – там, где они расположены *локально*. Третье место, до которого можно дойти пешком, позволяет «выйти в люди», но без необходимости садиться в машину, тем самым увеличивая плотность транспортных потоков. К сожалению, организаторы наших переписей населения регистрируют транспортное использование только шоссе-ных дорог. Даже поверхностное внимание к локальным дорожным ситуациям выявит, что большую часть дня наши дороги переполнены – и не только в часы пик!

Хотя мы живем в настолько больших и хорошо оснащенных домах, насколько только можем себе позволить, часто нам хочется сбежать из дома. Единственным реальным средством для этого у большинства является машина, а единственными реальными местами – торговые центры и улицы, где ожидается, что там они будут тратить свои потребительские доллары. Американцы проводят за покупками в три-четыре раза больше времени, чем европейцы, и в значительной мере (если вообще не полностью) эта разница связана с отсутствием альтернатив. Мы отказали себе в бесплатном дружеском общении с людьми, живущими по соседству. Любая статистика покажет, что расходы на «Уолмарт»⁹ и «Макдоналдс» составляют намного больше, чем можно себе представить.

Рискуя прослыть мистиком, я утверждаю, что ничто так не способствует чувству принадлежности к сообществу, как причастность к третьему месту. Оно значит больше, чем членство в десятке формальных организаций. Почему так получается, не такая уж и загадка. Это связано с выживанием и даже *процветанием* человека в атмосфере «честной игры».

Если формальные организации обычно собирают вместе схожим образом настроенных людей с похожими интересами, то третьи места, наоборот, привлекают всех подряд. Под «честной игрой» здесь понимается то, что в таких местах каждый может подойти к каждому и при этом ожидается обмен репликами, сопровождаемый любезностью и хорошим юмором. Многие люди находят это сложным, и многие поклонники интернета считают интернет-коммуникацию намного более «безопасной».

---

⁹ Уолмарт (Walmart) – крупнейшая в мире сеть розничных магазинов; основана в 1962 г. С. Уолтоном. – *Прим. пер.*

Те, кому удается поладить «со всеми и каждым» завсегдаятами третьего места, считают это предметом гордости как для себя, так и для самой группы. Часто они удивляются, с какой необычной для себя компанией людей они делят это наполненное радостью заведение. Сегодня это чувство причастности, вероятно, накладывает больший отпечаток на тех, у кого есть третье место, чем было раньше. Не только потому, что послевоенное жилье стало более частным, но и потому, что оно стало более сегрегированным. Большинство людей сегодня растут не в «вертикальном сообществе», а в сообществе узкого слоя людей с определенным доходом и демографическими характеристиками. Соответственно, их опыт соседства основан на взаимодействии в тонком «горизонтальном» срезе общества. Третьи места (для тех, у кого они есть сегодня) действительно должны казаться невероятно «всеядными».

Еще три функции третьих мест кажутся мне достойными упоминания, и они не менее важны, чем все остальные, как может показаться исходя из их очередности. Третьи места – это чрезвычайно важные политические форумы. Во многих странах зарождение солидарности рабочих напрямую было связано с изобилием кафе, где рабочие обсуждали общие проблемы, осознавали свою коллективную мощь, планировали забастовки и другие действия. Хотя многие отдают дань «просвещенному» составу конгресса за принятие в 1960-х гг. законов против сегрегации, ни один из этих законов не увидел бы свет, если бы им не предшествовали собрания афроамериканского населения в церквях по всему Югу США.

Несложно понять, почему в разные периоды времени кофейни подвергались нападкам глав правительств в Англии, Скандинавии, Саудовской Аравии. Ведь люди собирались именно в кофейнях, и часто в процессе дискуссии они приходили к выводам об ошибочности политики правителей.

Один опрос за другим демонстрирует, что политическая грамотность в Америке находится на низком уровне. Люди не знают, кто занимает президентское кресло; не знают своих представителей; они не подписали бы Билль о правах, если бы его предъявили им в качестве петиции, и так далее, и так далее. Но, как недавно отметил Кристофер Лэш: «А почему они должны знать эти вещи?! Почему кто-либо должен собирать информацию, которую никогда не удастся использовать?!» На более фундаментальном уровне эти опросы показывают отсутствие всеобщих обсуждений, что, в свою очередь, предполагает, что мы потеряли многие, если не все наши третьи места – политические форумы для обычных людей.

Третьи места служат также интеллектуальными форумами. Политика – не единственный важный предмет, обсуждаемый в третьих местах. Философия, география, городское развитие, психология, история и огромное количество других сфер знания получают там освещение. В какой-то мере все мы интеллектуалы, а завсегдаятаи третьего места – больше, чем многие, поскольку они озвучивают свои мнения перед критиками.

К сожалению, мы слишком часто думаем об интеллектуалах как о «книжных червях» или обладателях соответствующих дипломов. Однако практически каждый человек задумывается о жизни и проблемах общества. Так называемые элиты могут насмехаться над «философией у пивного ларька», но само это понятие предполагает, что «обычные» люди тоже думают и что они делают это в компании приятелей.

Для аутсайдера представление о том, что завсегдаятаи третьего места «думают одинаково», – заманчивый стереотип, но он не верен. Участие в группах третьего места зависит от того, сможет ли человек договориться с людьми, у которых по некоторым вопросам есть своя неординарная позиция; иными словами, оно зависит от того, сможет ли человек сказать, что не согласен с ними. Участие также означает, что иногда чьи-то любимые идеи группой не принимаются. Другие могут быть *не* согласны. В отличие от общения, основанного на идеологии, или на «политической корректности», или на поиске виноватых, собственные идеи человека, высказанные на собраниях в третьем месте, не будут ему ничего «стоять». Принятие в подобных кругах зависит от характера человека и его способности оживить группу, а не от

конкретных представлений. Кто-то «вбрасывает» идею, и остальные могут закивать, застонать, нахмуриться, засмеяться, но ничто для человека не будет потеряно. Все это больше напоминает хороший школьный урок.

Наконец, третьи места могут служить офисом. В некоторых видах сделок предпочтительно, чтобы ни одна сторона не находилась на «своей» территории, а сделка совершалась где-нибудь в нейтральном месте, желательно комфортном и неформальном. Несколько лет назад меня позабавило, что некоторые учителя одной школы возмущались, что директор школы почти каждый день проводит время в местном ресторане. Они считали, что он пользуется служебным положением. Однако на самом деле он встречался там со многими родителями – родителями, которым не нужно было официально одеваться для встречи и тратить время, ожидая в его приемной. Он встречался с родителями, которых иначе мог просто не увидеть.

Некоторых людей проще всего обнаружить в их третьем месте. Это может быть единственное место, которые они непременно посетят в любой день, и, следовательно, это лучшее место, чтобы «поймать» их. Я заметил, что в академическом мире многие поддерживают связи с теми, кто вышел на пенсию, не на территории университета, а в третьем месте, которые оба собеседника посещают.

Третье место как «офис» во многих других культурах популярно намного больше, чем в США, где бюрократическая ментальность глубже пустила корни. Ближе и дальше на восток от США многие предприниматели слишком бедны, чтобы иметь собственный офис, поэтому они используют для этих целей общественные заведения питания и даже указывают это на своих визитных карточках. В Ирландии, где каждый, у кого есть здравый смысл, ходит в пабы, последние совершенно естественным образом часто используются как неформальные офисы. Эту практику стоит поощрять хотя бы по причине равенства, которое она устанавливает между сторонами.

На этом заканчивается перечисление функций третьего места, которое я предложил здесь, чтобы углубить понимание читателем их потенциала для создания сообществ, и которое различные группы могут использовать в зависимости от того, какие из этих функций кажутся важными для их кварталов и где указанные функции могут быть реализованы.

В конце я бы хотел обратиться к тем, кто не согласен с идеями, которые я, как они считают, поддерживаю (а я действительно поддерживаю эти идеи). Да, есть люди, которые «любят свое уединение» и считают кварталы, где все друг друга знают, каким-то анахронизмом.

Такие люди существовали и раньше. Даже когда поход по магазинам еще не стал образом жизни и задолго до того, как телевидение и другие способы домашнего развлечения стали популярны, были люди, которые чувствовали то же самое. В моем родном городке в 1940-е и 1950-е гг., когда Мейн-стрит была оживленной и весь день заполненной народом, когда у нас была масса мест для встреч с друзьями на улице и внутри зданий, были те, кто никогда там не появлялся. А когда наш маленький городок примерно в семьсот жителей принимал около десяти тысяч человек во время фестиваля, те же самые люди никогда не принимали в нем участия – ни в подготовке, ни в празднованиях.

Необходимо понимать, что все так и должно быть. Первое требование хорошего сообщества – в том, что никто не обязан быть его членом. Общественная жизнь, гражданственность, деятельное сообщество – эти понятия для многих пустой звук, и удивительно, что есть еще люди, для которых они что-то значат. Как я указывал в самом начале, за прошедшие несколько десятилетий побег из сообщества стал нашей коллективной целью.

Ответ таким людям должен быть вежливым, но твердым. У них есть право не принимать на себя обязанности жизни в сообществе; есть выбор не расходовать время и силы, которых потребует восстановление общественной жизни. Однако им не обязательно лишать удовольствия всех остальных во имя «прогресса» или любого другого разумного объяснения в защиту предпочтений своего стиля жизни. У тех, кто предпочитает не участвовать, всегда останется

этот выбор, но те из нас, кто тоскует по общественной жизни и по оживленным улицам наших жилых кварталов, чувствуют себя незаслуженно обделенными. А наши аргументы, как я считаю, более убедительны.

*Рэй Ольденбург
Пенсакола, Флорида
1 октября 1996 г.*

Введение

У великих цивилизаций, как и у больших городов, есть общая черта. В них формируются жизненно важные для их процветания и развития особые неформальные общественные места для встреч. Эти места становятся в равной степени частью городского ландшафта и частью повседневной жизни граждан и неизменно начинают доминировать в образе города. Таким образом, многочисленные кафе на тротуарах, кажется, и есть Париж, так же как форум – доминанта нашего мысленного образа классического Рима. Душа Лондона живет в его многочисленных пабах; душа Флоренции – на ее многолюдных площадях. Обаяние Вены больше всего заметно и ощутимо в ее вечных кофейнях, сконцентрированных в кольце Рингштрассе. Продуктовый магазин, он же паб, где проводят время ирландские семьи; пивной сад, прародитель более формальных немецких организаций; японский чайный домик, чьи церемонии стали моделью целого образа жизни, – все это воплощения фундаментальных институций, опосредующих связь между индивидом и обществом.

В городах, которым повезло иметь собственную характерную форму третьих мест, незнакомец чувствует себя как дома – нет, он и есть там у себя дома, тогда как в городах, где таких мест нет, даже коренной житель чувствует себя не совсем уютно. Там, где город растет без местной версии общественного места встреч, которое непременно появлялось бы в новых районах и становилось неотъемлемой частью жизни людей, там город обманывает ожидания своих жителей. Без таких мест городская зона не может подпитывать те отношения и разнообразие человеческого общения, которые являются сущностью города. Лишенные этой среды жители остаются одиночками, каждый – в своей толпе незнакомцев. Единственное предсказуемое социальное последствие технологического прогресса состоит в том, что люди будут еще больше отдаляться друг от друга.

Америка занимает невысокую позицию по части неформальной общественной жизни, и сейчас эта позиция еще ниже, чем в прошлом. Все чаще американцев призывают искать расслабление, развлечение, компанию, даже безопасность почти исключительно в уединении собственного дома, который превратился скорее в убежище от общества, чем в связующее звено с ним.

В Америке произошло заметное сокращение (как по количеству, так и по разнообразию) общественных мест, расположенных настолько близко к домам людей, чтобы места эти были легкодостижимы и привлекали жителей соседних улиц, что и является условием жизнеспособной неформальной общественной жизни. Курс городского развития в Америке подводит индивида к черте, после которой гордая независимость превращается в жалкую изоляцию, поскольку он предоставляет недостаточно возможностей и стимулов для добровольного человеческого общения. Повседневная жизнь в новых городских районах – это как учеба без каникул, как травматичная и болезненная игра в софтбол без удовольствия совместного посещения пивного бара после матча. И радость расслабления в компании, и появляющаяся в результате этого социальная солидарность исчезают за неимением мест, где они могли бы существовать.

По своей структуре, как и по стилю, данная книга представляет собой попытку защитить те «ключевые точки» неформальной общественной жизни, которые являются неотъемлемой частью хороших городков и великих городов. Первая глава посвящена проблеме дефицита неформальной общественной жизни и защите тезиса о том, что развитие третьих мест – решение этой проблемы. Дальнейшее обсуждение поделено на три большие части, посвященные, соответственно, сущности третьего места, примерам третьего места и, наконец, вопросам, окружающим эту слабеющую и впадающую в забвение институцию.

В первой части предпринимается попытка решить увлекательную и достойную задачу. Я задался вопросом, что общего у культурно и исторически разных версий многочисленных

и популярных неформальных общественных мест для встреч. Переходя от сцены к действию, которое на ней происходит, я описываю социальные, психологические и политические последствия, связанные с регулярным участием в неформальной общественной жизни общества. Опять же, меня поражают сходства, которые сохраняются, несмотря на смену эпох и культур, и я укрепляюсь в убеждении, что «места действия» неформальной общественной жизни настолько же повсеместно едины по своей внутренней сути, насколько они разнообразны по внешнему виду.

Вторая часть предлагает примеры третьих мест, созданных нашей и другими культурами. Сначала я рассматриваю немецко-американский пивной сад девятнадцатого столетия, эту модель мирного сосуществования и радостного общения, которая была нужна Америке, но от которой она в конце концов отказалась. Глава «Мейн-стрит» описывает активную неформальную общественную жизнь в маленьком городке довоенной Америки – наиболее успешный выращенный на местной почве экземпляр. В этот раздел также включено детальное описание английского паба, французского бистро, американской таверны и кофеен Англии и Вены. Каждый конкретный пример служит подтверждением работоспособности модели третьего места и обогащает ее характерными для данного случая деталями.

Последняя часть посвящена тенденциям, негативно влияющим на характер и судьбу неформальной общественной жизни в нашем обществе. В главе 11 анализируется городская среда, которая либо благоволит неформальной общественной жизни, либо выталкивает ее. Вскрываются многие факторы, ответственные за парадоксальное состояние, которое лишает нас веры в собственные силы: городское развитие сегодня разрушительно влияет на город. Глава 12 начинается с признания того факта, что третьи места поддерживают и всегда поддерживали традицию разделения полов; в ней анализируется неформальная общественная жизнь в контексте отношений между полами. Глава 13 посвящена детям, которые в итоге больше всех могут пострадать от мира, лишённого опыта и прелестей безопасной, насыщенной, красочной и интересной неформальной общественной жизни.

Оптимизм последней главы основывается на некоторых уроках, которые усваивают жители американских городов по мере того, как они учатся приспособливаться к среде, настолько же мало приспособленной для хорошей жизни, как и для хороших отношений между теми, для кого она является общей. Вся надежда сегодня не на экспертов и не на чиновников, а на тех, кто использует построенную для них среду и недоволен ее состоянием.

*Рэй Ольденбург
Пенсакола, Флорида*

Благодарности

В ходе работы над этим проектом я стал обязанным многим великодушным и отзывчивым людям. Кроме тех, кто указан здесь, я в долгу у многих людей, читавших части моих первых рукописей и поощрявших мои начинания, а также у тех, с кем я обсуждал различные аспекты проблемы.

Следующие люди внесли непосредственный вклад в содержание книги или иным образом повлияли на ее окончательный вид, и я рад выразить им благодарность. Дженис Отенрит, Одри Клиленд, Фрэнк Демосс, Китти Элиот, Майкл Гэлли, Дэниэл Мэлоун и Джордж Нил предоставляли иллюстративный материал из первых рук. Мистер и миссис Дон Макгуайр помогли мне реконструировать жизнь на Мейн-стрит в Ривер-парке, какой она была в 1940 г. Том Ричи и Джон Джарвис предоставили мне полезные материалы из своей большой библиотеки.

Сотрудники Библиотеки имени Джона С. Пейса были любезны и благожелательны выше всяких ожиданий во время моих частых визитов и разных способов использования возможностей этого учреждения. Мой дорогой друг и коллега Деннис Брисетт, с которым мы ранее вместе написали несколько работ, внес ценные предложения по структуре второй и третьей глав. Моя коллега Бернадетт Грант сделала полезные замечания к рукописи относительно реакции женщин на различные аспекты неформальной общественной жизни.

Особую благодарность я выражаю тем людям, которые работали над появляющимся текстом. В последние месяцы работы директором Библиотеки имени Джона С. Пейса Джим Сервиес нашел время (в основном во время полетов в самолете и в залах ожидания) для стилистической редактуры большинства глав книги. Благодаря его усилиям слова оказались выстроены в лучшем порядке и на меньшем количестве страниц. Сеймур Куртц, редактор издательства, тщательно прочел весь текст и внес содержательные предложения, большая часть которых вошла в конечный продукт.

Последняя версия рукописи была значительно упрощена благодаря усилиям Конни Воркс, чудесной леди, виртуозно владеющей текстовым редактором. Мое общение с издателем было настолько же приятным, насколько профессиональным благодаря редактору-консультанту по развитию Лоре Грини, занимавшейся этим проектом.

Наконец, я должен выразить благодарность человеку, которого уже с нами нет. Дон Мартиндейл ушел от нас в период моей работы над книгой. Он был учителем и другом, известным и плодотворным исследователем и джентльменом в академическом мире, где джентльменов не так много. Именно благодаря его поддержке в большей степени, чем чьей-либо еще, я продолжал свою работу над этим исследованием, выходящим за границы общепринятой парадигмы.

Часть I

Глава 1

Проблема места в Америке

В некоторых недавно опубликованных работах об американском обществе указывается, что ностальгию по маленькому городку не следует понимать как направленную на городок как таковой; скорее она представляет собой «поиск сообщества» (говоря словами Роберта Нисбета) – ностальгию по понятной и цельной жилой среде. Главный вопрос поэтому состоит не в том, можно ли возродить маленький городок со всеми его прежними преимуществами (ведь очевидно, что нет), а в том, сможет ли американская жизнь породить какой-то тип интегрированного сообщества ему на замену. Я называю это проблемой места в Америке, и если эта проблема не будет решена, американская жизнь станет еще более дисгармоничной и фрагментированной, а американцы так и будут чувствовать себя беспокойно и неудовлетворенно.

Макс Лернер, «Америка как цивилизация» (1957)

Последующие годы подтвердили диагноз, вынесенный Лернером. Проблема места не была решена, и американская жизнь действительно стала более дисгармоничной и фрагментированной. Новой формы интегрированного сообщества так и не было найдено, маленький городок все еще ждет своего преемника. А американцы – все еще неудовлетворенный народ.

Может показаться, что возможным кандидатом на статус новой формы сообщества стали «автомобильные пригороды», число которых значительно увеличилось после Второй мировой войны. Тринадцать с лишним миллионов ветеранов войны имели право на приобретение без первоначального взноса дома на одну семью в новых районах. Создание и обустройство миллионов этих новых частных владений стало для американской промышленности главной альтернативой военному производству, а молодожены, заключившие браки-партнерства, казалось, нашли для себя идеальные семейные гнезда. Однако с тех пор мы не стали жить счастливо.

Жизнь в пригородных микрорайонах, быть может, и могла удовлетворить потребность ветерана войны в безопасной и организованной тихой гавани, но она редко порождала чувство места и принадлежности, которое питало его родителей, дедов и прадедов. Сами по себе дома не образуют сообщества, и типовая застройка оказалась помехой для возникновения какой-либо структуры или формы использования пространства в районе, состоящем из стандартных домов и улиц.

Один из исследователей современной Америки заметил, что пригороды, как и спальные городские районы, – это «лишь своего рода база, откуда индивид отправляется собирать разрозненные элементы социального бытия»¹⁰. Хотя и утверждается, что автомобильный пригород совмещает преимущества сельской и городской жизни, но на деле он оказывает фрагментирующее воздействие на мир индивида. Как писал один наблюдатель, «человек работает в одном месте, спит в другом, делает покупки в третьем, находит удовольствия и друзей где сможет и не заботится ни об одном из этих мест».

---

¹⁰ Goodwin R.N. (1974) *The American Condition*, *The New Yorker*, 28 January, 38.

Типичный пригородный дом легко оставить, когда его обитатели переезжают в другой такой же. Самое ценное в этих домах всегда можно взять с собой. Никто не устраивает прощаний в местных пабах или в магазинчике на углу – просто потому, что рядом нет местных пабов или магазинчиков. Действительно, зачастую стимулов покинуть данный район больше, чем причин остаться, потому что ни эти дома, ни окрестности не приспособлены к изменениям жизненных циклов семей или индивидов. Каждый дом спроектирован для семьи определенного размера, дохода, возраста. В нем мало «чувства места» и еще меньше возможностей пустить корни.

Переехавшие в Америку европейцы остро ощущают нехватку общественной жизни в наших жилых кварталах. Недавно мы разговаривали с одной любительницей выходов «в люди», которая жила во многих странах и умеет адаптироваться к местным особенностям. Проблема места в Америке стала и ее проблемой:

После четырех лет жизни здесь я все еще чувствую себя в большей степени иностранкой, чем в каком-либо другом месте мира, где я бывала. Люди здесь гордятся тем, что живут в «хорошем» районе, но для нас эти востребованные районы как тюрьмы. Семьи не общаются между собой; мы и видим-то соседей редко, не говоря уже о знакомстве. А в Люксембурге мы часто прогуливались вечером до одного из местных кафе и проводили там несколько замечательных часов в компании местного пожарника, стоматолога, банковского служащего или еще кого-нибудь, кто там оказывался в этот момент. Однако я не вижу никакого удовольствия в том, чтобы ехать на машине в грязный, темный бар, где каждый сидит сам по себе и замирает от страха при приближении какого-нибудь перебравшего посетителя.

В том же духе высказался Кеннет Харрис, размышляя, чего больше всего не хватает британцам в США. Больше всего им не хватает какого-нибудь недорогого деревенского постоянного двора или местного паба – в наших кварталах их нет. Харрис пишет: «Американец не заходит в местное заведение два-три раза в неделю с женой или сыном, чтобы выпить там кружку пива, пообщаться с соседями и пойти домой. Он не выводит собаку погулять перед сном, чтобы заодно завернуть в “Корону” и перехватить там пинту»¹¹.

Этот контраст между культурами во всей полноте ощущают те, кто живет поочередно то в Европе, то в Америке. Виктор Грюн с супругой владеют солидной недвижимостью в Лос-Анджелесе и небольшой – в Вене. Он отмечает: «В Лос-Анджелесе мы с беспокойством покидаем наш защищенный дом, чтобы навестить друзей или сходить на культурное или развлекательное мероприятие, потому что каждый подобный выезд требует больших затрат времени и нервного напряжения из-за длительных поездок на машине»¹². Европейский опыт, как он говорит, совсем иной: «В Вене нас проще уговорить куда-нибудь выйти, потому что легко можно дойти до двух концертных залов, оперы, нескольких театров и множества ресторанов, кафе, магазинов. Встречу со старыми друзьями не нужно устраивать заранее, как в Лос-Анджелесе; как правило, мы сталкиваемся с ними на улице или в кафе». У семьи Грюн в сто раз больше квадратных метров в Америке, но создается впечатление, что они не получают там и половины того удовольствия, что у них есть в небольшом уголке Вены.

Однако нет нужды обращаться к мнениям иностранцев, чтобы увидеть недостатки «пригородного эксперимента». Предназначенные стать колыбелью супружеской и семейной жизни, пригороды добавили этим двум институтам дурной славы. Уже к 1960-м гг. сложился образ пригородной домохозяйки как «скучающей, изолированной от мира и озабоченной матери-

---

¹¹ Harris K. (1949) *Travelling Tongues*, London: John Murray, 80.

¹² Gruen V. (1973) *Centers for Urban Environment*, New York: Van Nostrand Reinhold Co., 217.

альными благами» женщины¹³. Жена, живущая в пригороде и не имеющая машины, которая позволяла бы на время сбежать оттуда, стала символом одиночества в Америке¹⁴. Те, кто мог себе позволить, компенсировали одиночество, изоляцию и недостаток общения «синдромом плотного графика», как его описал один психотерапевт с северо-востока США:

Одиночество, с которым я чаще всего сталкиваюсь по работе, – это одиночество жен и матерей с маленькими детьми. Их забросили в пригороде, их мужья на весь день уезжают на работу... Я вижу, что чувство одиночества широко распространено, но думаю, что в более состоятельных сообществах его прикрывают обилием активных занятий. По этой причине большой теннис стал так популярен. Все они теперь «выходят в люди» и играют в теннис¹⁵.

Большинство бывших домохозяек сегодня являются частью рабочей силы. Поскольку теперь и папа, и мама, ежедневно сбегающие из своих пригородов, обретают какое-то подобие жизни в сообществе, дети еще больше оторваны от взрослых. Для типичного подростка из пригорода дом предлагает мало, а окрестности – совсем ничего. Ситуация начала 1970-х гг., описанная Ричардом Сеннетом, ухудшается:

За прошедшие десять лет многие дети из среднего класса пытались вырваться из сообществ, школ и домов, на создание которых их родители потратили столько времени. Если и есть какое-то ощущение, общее для различных групп молодежных движений и образов жизни, то это ощущение, что среда среднего класса, к которой принадлежат их родители, для них – как загон, как клетка, которая мешает им быть живыми и свободными. Источник этого ощущения – понимание того, что, хотя образ жизни среднего класса предоставляет безопасный и упорядоченный режим жизнедеятельности, люди в нем задыхаются, потому что им в жизни недостает нового, неожиданного и разнообразного¹⁶.

Пригласить в гости подростка, как мне кажется, возможно, лучший и самый быстрый способ проверить окрестности на жизнеспособность. В пригороде такой подросток очень скоро начинает себя вести как животное в клетке: быстро ходит по дому, выглядит грустным и тревожным и уже на второй день настойчиво просит родителей уехать. У подростков нет места, куда они могли бы сбежать, чтобы пообщаться с себе подобными. В окрестностях нет ничего, кроме домов незнакомцев, а на улицах – ни души. Взрослые приспосабливаются более успешно, во многом потому, что им и нужно меньше. Тем не менее в любом возрасте мало кто сделал бы вывод, что в пригородах «жизнь бьет ключом». Дэвид Рисмен, уважаемый патриарх социологии, однажды попытался описать воздействие пригородов на большинство их обитателей. Он писал: «Может показаться, что там царит бесцельность, зудящее, всеобъемлющее неудовольствие»¹⁷. Кажется, что автор всячески пытается избежать слова «скучный». Подросток быстро вынес бы именно этот вердикт.

Неспособность пригородов решить проблему места в Америке и создать жизнь в сообществе для своих обитателей совершенно не остановила их роста в послевоенное время. Напротив, возникли новые поколения пригородных застроек, где жизни вне дома стало еще меньше. Почему этот провальный проект процветает? Долорес Хейден частично отвечает на

---

¹³ Slater P.E. (1971) «Must Marriage Cheat Today's Young Women?» *Redbook Magazine*, February.

¹⁴ Gordon S. (1976) *Lonely in America*, New York: Simon & Schuster.

¹⁵ *Ibid.*, 105.

¹⁶ Sennett R. (1973) «The Brutality of Modern Families», in *Marriages and Families*, ed. H.Z. Lopata, New York: D. Van Nostrand Company, 81.

¹⁷ Riesman D. (1957) «The Suburban Dislocation», *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, November, 142.

этот вопрос, когда говорит о том, что американцы заменили образ идеального города образом идеального дома¹⁸. Желание купить дом побольше на более крупном участке в еще более безжизненном пригороде – это вопрос не столько присоединения к сообществу, сколько бегства от него. Поощряемые продолжающимся упадком учтивости и комфорта в общественной или общей среде, люди возлагают больше надежд на собственную землю. Они ведут себя так, будто дом может заменить им сообщество, если только он достаточно просторен, в нем достаточно развлечений, достаточно комфорта, если он достаточно роскошен – и при этом удобно изолирован от общей толпы, которую политики еще продолжают называть «наши соотечественники».

Исследователи расходятся во мнениях по поводу причин растущего отчуждения между семьей и городом в американском обществе¹⁹. Ричард Сеннет, чьи исследования охватывают период жизни нескольких поколений, заявляет, что, как только американская семья достигла уровня среднего класса и смогла каким-то образом защититься от внушающего страх внешнего мира и его неурядиц, она замкнулась в себе и «в Америке, в отличие от Франции или Германии, городской средний класс держался подальше от публичных форм общественной жизни типа кафе и банкетных залов»²⁰. Филипп Арьес, который тоже хорошо знаком с историей своей страны, отвечает на это доводом, что современное городское развитие уничтожило отношения, составлявшие некогда сущность города, в результате чего «пространство семьи разбухло, как гипертрофированная биологическая клетка», пытаясь заполнить пустоту²¹.

В некоторых странах раз в неделю специально прекращается телевещание, чтобы люди не бросали привычки выходить из дома и поддерживать контакт друг с другом. В Америке такая тактика, наверное, не сработала бы. Сеннет возразил бы, что, учитывая невысокое мнение среднего класса о публичной жизни, средний класс все равно предпочел бы остаться дома. Арьес бы добавил, что большинство осталось бы дома из-за отсутствия общественных мест, пригодных для встреч с друзьями и соседями. Как признает Ричард Гудвин, «практически нет мест, где соседи могут встретиться незапланированно: ни паба, ни магазина на углу, ни парка»²². Проблеск надежды в этом споре виднеется в том, что одно и то же лекарство могло бы излечить от серьезных недугов и семью, и город.

Тем временем новые поколения учатся скрываться от общественной жизни в жизни частной и ставить собственное продвижение выше общественного блага. Этому отношению они могут научиться у родителей, но каждое новое поколение приобретает такую установку и на собственном опыте. Скромные условия жизни, те неэсклюзивные пригороды, из которых представители среднего класса уезжают по мере увеличения возраста и дохода, учат своих обитателей ограничивать надежды на хорошую жизнь по большей части собственным домом и двором. Жизнь сообщества в линейной застройке – разочаровывающее зрелище. Пространство в таком районе было оборудовано и задумано только для изолированной семейной жизни. Процессы, благодаря которым могут встретиться потенциальные друзья и подпитываться дружеские отношения с кем-то вне дома, жестко подавляются ограниченными условиями и возможностями современного пригорода.

Отсутствие неформальных центров общения или неформальных публичных мест для встреч в современном пригороде оставляет людей практически полностью на милость ближайших соседей. Опыт маленького города научил нас, что лучшие друзья и приятели редко живут в соседнем доме. Почему же стоит ожидать, что в автомобильных пригородах дело обстоит

---

¹⁸ Hayden D. (1984) *Redesigning the American Dream*, New York: W.W. Norton & Company, Chapter 2.

¹⁹ Краткое изложение обеих позиций см. в: Sennett R., *op. cit.*; Aries P. (1977) «The Family and the City», *Daedalus*, Spring, 227–237.

²⁰ Sennett R., *op. cit.*, 84.

²¹ Aries P., *op. cit.*, 227.

²² Goodwin R.N., *op. cit.*, 38.

иначе? Каковы шансы, что из сотен домов вокруг самые близкие по духу люди будут жить в соседнем доме? Невелики! Но вероятность попыток завести дружбу с ближайшими соседями наибольшая, ведь как можно даже узнать достаточно о ком-то, кто живет через два квартала, чтобы найти повод познакомиться?

Какова вероятность того, что двое мужчин, которые любят охоту, рыбалку или самолеты, встретятся и заведут разговор, если их семьи не общаются? Где развлекаться и наслаждаться компанией друг друга, если по каким-то причинам они не могут встречаться у себя дома? Где у людей есть шанс узнать друг друга в неформальной обстановке и без принятия каких-либо обязательств, прежде чем решить, стоит ли им начинать «дружить семьями»? В линейной застройке таких мест нет.

Приглашение соседей к себе домой связано со значительными расходами на гостеприимство и зависит от поддержания постоянных хороших отношений между домами. Зачастую соседские отношения легко могут перейти в разряд напряженных или разорваться. Поскольку они образуются не на ранних стадиях жизни людей и не базируются на многолетнем совместном опыте, их не так-то просто потом наладить. Хуже того, немногочисленные хорошие друзья непременно начнут переезжать, и их трудно будет кем-то заменить. В долгосрочной перспективе попытки завязать дружбу, добрососедские отношения и создать подобие сообщества кажутся просто напрасными.

При отсутствии неформальной публичной жизни

Мы уже приводили замечание Сеннета о том, что американский средний класс не похож на французский или немецкий. Американцы не посещают каждый день ближайшее кафе или ресторанчик. У нас нет этой третьей сферы удовлетворения желаний и социального сплочения за пределами дома и офиса, хотя для других она является неотъемлемой составляющей понятия «хорошая жизнь». Наше расписание в большей мере связано с домом и работой, и эти две сферы стали для нас приоритетными. Бесконечные поездки из «своей норы» в царство «гонки за успехом», плотно встроенные в повседневность, легко порождают знакомое желание «сбежать подальше от всего этого».

Рутинный маршрут «дом – работа» закрепляется в наших привычках по мере того, как городская среда предлагает все меньше возможностей для отдыха в публичном пространстве. Большинство привычных мест для встреч стремительно исчезают. Доля пива и спиртных напитков, употребленных в публичном месте, упала с 90 % в конце 1940-х гг. до 30 % в наши дни²³. Похожий спад наблюдается в количестве местных питейных заведений, где подобные напитки продаются. Для тех, кто избегает алкоголя и предпочитает автомат с газировкой в ближайшем магазине, ситуация стала еще хуже. К 1960-м гг. стало ясно, что в «современном магазине» нет места автомату с газировкой и прилавку с закусками²⁴. «В наши дни, когда расширяются профсоюзы и растет минимальная оплата неквалифицированного труда, нужно избавиться от традиционных автоматов с газировкой» – так советовал один из экспертов по управлению магазинами. И от автоматов с газировкой избавились. Им на смену пришли новые заведения, где во главу угла ставится быстрое обслуживание, а не медленное и спокойное расслабление.

При отсутствии неформальной публичной жизни ожидания людей в отношении работы и семьи превысили возможности этих двух институтов по их удовлетворению. Из домашних и рабочих отношений люди, у которых нет сообщества, пытаются выжать все для себя необходимое, но в основном недоступное ввиду ограниченных возможностей, которые оставляет им

---

²³ Kluge P.F. (1982) «Closing Time», *Wall Street Journal*, 27 May.

²⁴ Ferguson F.L. (1969) *Efficient Drug Store Management*, New York: Fairchild Publications, 202.

такой стиль жизни. Возникающее в результате давление на семейную и рабочую жизнь становится совершенно очевидным. По степени дезорганизации и деградации современная семья из среднего класса напоминает бедную семью 1960-х гг.²⁵ Соединенные Штаты возглавляют сегодня мировой рейтинг по количеству разводов. Дети без отцов составляют самую быстро растущую группу детского населения. Напряжение, уничтожившее традиционную семейную конфигурацию, привело к появлению альтернативных стилей жизни, и хотя их появление предполагает богатство выбора, ни один из них не приносит столько удовлетворения, сколько приносила традиционная семья, когда она укоренялась в поддерживающем ее сообществе.

По оценкам аналитиков, американская промышленность ежегодно теряет от пятидесяти до семидесяти пяти миллиардов долларов по причине отсутствия на работе, оплачиваемых бюллетеней и упущенной производительности²⁶. Стресс в жизни работников – главная причина этих экономических потерь. Две трети посещений терапевта в США приходятся на жалобы, вызванные стрессом²⁷. Как сказал один медик, «наш образ жизни сегодня становится главной причиной болезней»²⁸. Клаудиа Уоллис пишет: «Печальная примета нашего времени состоит в том, что наиболее популярные лекарства в нашей стране – это средство от язвы (Tagamet), от высокого давления (Inderal) и транквилизатор (Valium)»²⁹.

При отсутствии неформальной публичной жизни американцы лишены средств снятия стресса, которые так эффективно работают в других культурах. Кажется, мы не осознаем того, что средства для снятия стресса могут быть так же легко встроены в городскую среду, как и стрессогенные факторы. К нашему огромному несчастью, радости городской жизни в значительной степени были сведены к потребительству. Мы не получаем особого удовольствия от наших городов, потому что они не очень-то приятны. Городской образ жизни, который стал основной причиной наших болезней, напоминает пароварку без клапана для выпуска пара. Наша городская среда – как двигатель, который перегревается, потому что был спроектирован без системы охлаждения.

К сожалению, сложилось мнение, что причины стресса имеют социальный характер, но средства исцеления от него индивидуальны. Многие считают, что высокий уровень стресса – неизбежное условие современной жизни, что он – элемент социальной системы и что нужно выйти за границы системы, чтобы получить облегчение от стресса. Даже наши поиски развлечений становятся соревновательными и стрессогенными. Мы подходим опасно близко к состоянию, когда нас «тошнит» за границами домашнего мира и нам «легчает», когда мы сбегает отсюда домой. Поэтому, пока немцы расслабляются в большой компании в пивном саду, а французы подкрепляют силы в маленьких оживленных бистро, американцы идут на массаж, медитируют, совершают пробежку, принимают горячую ванну или уходят с головой в чтение фэнтези. Пока другие всю пользу получают от права на свободу объединений, мы прославляем свою свободу не вступать в объединения.

При отсутствии неформальной публичной жизни жить становится дороже. Когда средства расслабления и досуга не являются публичными, они становятся объектами частного владения и потребления. В Соединенных Штатах примерно две трети ВВП формируется на основе личных потребительских расходов. Эта категория трат, как отмечает Гудвин, содержит «отчужденную сущность человечества»³⁰. Около четырех триллионов долларов, потраченных на улаживание себя, – вот выражение мощной разъединяющей силы. В нашем обществе, как

---

²⁵ Bronfenbrenner U. (1979) «The American Family: An Ecological Perspective», in *The American Family: Current Perspectives*, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, Audiovisual Division, audio cassette.

²⁶ Wallis C. (1983) «Stress: Can We Cope?», *Time*, 6 June.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Ibid.*

²⁹ *Ibid.*

³⁰ Goodwin R. (1974) «The American Condition», *New Yorker*, 4 February, 75.

заявляет один эксперт в данной области, досуг извратили до потребления³¹. Агрессивная движущая сила, стоящая за этим извращением, – реклама, которая обуславливает «наше стремление потреблять все и владеть всем, что производит промышленность»³².

Рекламщики, эти образцы самоуверенности, провозглашают, что без их усилий общество будет томиться в состоянии инерции. «Ничего не происходит до тех пор, пока кто-нибудь не начинает что-то продавать», как они любят говорить. Это, может быть, и верно в мире тотальной коммерции (а существует ли для них какой-нибудь другой мир?), но развитие неформальной публичной жизни зависит от того, найдут ли люди друг друга и смогут ли они получить удовольствие от общения вне денежной системы координат. По своей идеологии и влиянию реклама – враг неформальной публичной жизни. Она взращивает отчуждение. Она убеждает людей, что хорошую жизнь можно приобрести в индивидуальном порядке. Вместо общего чувства товарищества людей, относящихся друг к другу как к равным, идеология рекламы навязывает соревновательное приобретательство. Почувствуйте разницу: любить людей за то, кто они есть, или завидовать тому, чем они владеют. Не случайно в культурах с высокоразвитой неформальной публичной жизнью к рекламе относятся с пренебрежением³³.

Огромное преимущество обществ с хорошо развитой неформальной публичной жизнью состоит в том, что бедность в них не ассоциируется с лишениями, помимо необходимости жить в достаточно скромных условиях. В них нет стигмы и ущемления в социальном общении. Есть интегрирующая и поддерживающая публичная жизнь, которая вносит разнообразие в повседневность и дополняет домашнюю и рабочую рутину. Для тех, у кого небольшой бюджет и кому приходится жить экономно, она компенсирует недостаток вещей в индивидуальном владении. А состоятельным людям она предлагает то, чего не купишь за деньги.

Образ жизни американского среднего класса становится все более дорогостоящим, особенно учитывая уровень получаемого удовлетворения. Скудость коллективных ритуалов и редкость спонтанных встреч ставит перед индивидом сложную задачу – избегать постоянно угрожающей социальной изоляции. Там, где жилые строения не предполагают сообщества, в окрестностях, где нет подходящих мест для общих встреч, враг по имени «скука» – всегда у ворот. Приходится тратить большое количество денег, чтобы компенсировать стерильность окружающей среды. Ремонт и изменение интерьера превращаются в бесконечный процесс, потому что людям нужны новые обои или мебель, чтобы получить новые впечатления. Подобно скукающим и праздным богачам, они по той же причине внимательно следят за модой и покупают новый гардероб задолго до того, как старый отслужит свое. А насладиться оживленной беседой после ужина сложнее, чем пройтись до ближайшего паба, ведь для этого кому-то придется организовывать целый ужин.

При отсутствии неформальной публичной жизни в среде американского среднего класса процветает индустрия домашних развлечений. Велик спрос на всяческие электронные гаджеты, заменяющие прямое общение просмотром и прослушиванием. Люди не жалеют средств на установку аудио- и видеосистемы, видеомагнитофона, кабельного телевидения или расширенной версии рая на земле для социально изолированных людей – спутниковой тарелки. Спрос на электронные развлечения так велик, что предложение не может обеспечить широкий спектр высококачественных продуктов. Создатели развлечений для этого неисчерпаемого рынка вынуждены полагаться на известные формулы успеха и подражание удачным образцам.

Каждый, кто уже дорос до водительских прав, считает необходимым совершать частые побеги из частного загончика, расположенного среди сотен других таких же. Для этого каждому нужен автомобиль, который является транспортным средством столь же приватизирован-

---

³¹ Kando T.M. (1980) *Leisure and Popular Culture in Transition*, 2nd ed., St. Louis: The C.V. Mosby Company.

³² *Ibid.*, 101.

³³ Речь идет в основном о культурах Средиземноморья.

ным и антисоциальным, что и сами пригородные окрестности. «Форды» и «шевроле» сейчас стоят 10–15 тысяч долларов, а дополнительные траты на обслуживание, страхование и топливо представляют собой существенные расходы для большинства семей. Более того, у каждого взрослого члена семьи в собственности своя машина. Так что почти единственная потребность, которую жители пригородов еще могут удовлетворить с помощью короткой прогулки, – та, что ведет их в сторону санузла.

При отсутствии неформальной публичной жизни производству тоже приходится нести потери за упущенные работниками возможности расслабления в обществе других людей. Когда в окрестностях нет условий для непринужденного общения, люди стараются наверстать упущенное на рабочем месте. Перерывы на кофе – больше, чем просто периоды отдыха; они в большей степени служат для человеческого общения, чем для физического расслабления. Как следствие, эти и другие перерывы затягиваются. В обеденный перерыв люди часто позволяют себе немного выпить и расслабиться – и этого достаточно для того, чтобы сделать остаток рабочего дня неэффективным. Различие между обсуждением рабочих вопросов и болтовней становится нечетким. Некогда ясные параметры отличия работы от игры размываются. Индивид обнаруживает, что ни работа, ни игра не приносят ему должного удовольствия.

Проблема места в Америке проявляется в болезненном дефиците неформальной публичной жизни. Объем общего с другими людьми опыта помимо того, что предлагают семья, работа или пассивное потребление, невелик и постоянно уменьшается. Жизненно важный групповой опыт заменяется преувеличенным самосознанием индивидов. Американский образ жизни со всеми его материальными достижениями, поиском комфорта и удовольствий буквально разъедают скука, одиночество, отчуждение – и при этом за большие деньги. Америка добилась успеха во многих областях, но в сфере неформальной публичной жизни она сбилась с курса и все больше теряет ориентацию.

В отличие от многих неосвоенных территорий, территория неформальной публичной жизни не сохраняет своей плодородности, пока ожидает внимания. Культивировать неформальную публичную жизнь не становится легче с применением новых технологий, умножением органов управления и правительственных агентств или с ростом населения. Она не будет плодоносить просто потому, что «время пришло», и «политика самотёка», которая может иметь успех в других сферах городской жизни, здесь не работает. Напротив, невнимание к неформальной публичной жизни может сделать джунгли из того, что было садом, и одновременно загубить способность людей к садоводству.

При постоянном отсутствии здоровой и активной неформальной публичной жизни граждане могут буквально забыть о том, как создать ее. Облегчающий жизнь публичный этикет, состоящий из ритуалов встречи, приветствия и выражения удовольствия от присутствия незнакомцев, не совсем очевиден в Соединенных Штатах. Его замещают набор стратегий, призванных избежать контакта с людьми на публике, и устройства, предназначенные для защиты круга приватного пространства индивида от любого незнакомца, который может его нарушить. Замысловатость городской жизни деградирует до уровня знаний о том, кто может чувствовать себя в безопасности на чьей «земле», умения минимально использовать экспрессию и телесный контакт на публике и других техник выживания, необходимых в мире, лишенном взаимных любезностей. Лин Лофланд замечает, что в издании 1962 года «Нового полного справочника этикета» Эми Вандербилт «нет ни единой ссылки на правильное поведение среди незнакомых людей»³⁴. Космополитические обещания наших городов становятся все более скромными, а их экуменический дух улетучивается вместе с нашим стремлением убежать в мир частной жизни.

---

³⁴ Lofland L.H. (1973) *A World of Strangers*, Prospect Hills, Ill.: Waveland Press, Inc., 117.

В поисках решения: третье место

Хотя никто не может дать надежный рецепт решения проблемы места в Америке, можно описать несколько важных элементов, которые будет включать в себя любое решение. Некоторые базовые требования для существования неформальной публичной жизни не меняются, а здоровому обществу большего и не надо. Времена расцвета неформальной публичной жизни общества, совпадавшие с его золотой эпохой, остались в прошлом, а перспективы на будущее должны вызывать серьезные опасения.

Большие и маленькие города, позволяющие своим жителям активно участвовать в публичной жизни, легко узнаваемы. То, что социологи города называют «промежуточными пространствами» – улицы и тротуары, парки и скверы, аллеи и бульвары – полны сидящих, стоящих и прогуливающих людей. Бросающиеся в глаза публичные пространства не принадлежат хорошо одетым представителям среднего класса, которых жаждут видеть в сегодняшних торговых центрах. Пожилые и бедные, оборванные и немощные – все смешиваются в толпе с теми, у кого дела идут хорошо. Представлен весь спектр местной человеческой породы. Большинство улиц одинаково принадлежат автомобилистам и пешеходам. Типичная улица все еще может вместить большую коляску и быть достаточно привлекательной для прогулки молодой матери с ребенком. Много мест для сидения. Дети играют на улицах. Общая картина напоминает сцену, которую бы выстроил режиссер-постановщик фильма, чтобы показать жизнь в интегрированном и процветающем городском районе.

Помимо впечатления, что в архитектуре сохранилась человекоразмерность, или что машины не победили пешеходов в битве за улицы, или что такая скорость жизни говорит о менее суровых и сложных временах, эта картинка не раскрывает динамики, необходимой, чтобы создать увлекательную неформальную публичную жизнь. Секрет общества, находящегося в мире с собой, раскрывается не в панорамной картине, а в анализе положения среднего гражданина.

Примеры, представленные обществами, где решена проблема места, как и примеры небольших городков и процветающих кварталов нашего прошлого, показывают, что повседневная жизнь, чтобы она была приятной и полноценной, должна сбалансированно сочетать три сферы опыта. Одна – это дом, вторая – получение прибыли или производство, а третья – сфера открытого для всех общения, которое является одновременно основой создания сообщества и его лучшим результатом. Все эти сферы человеческого опыта построены на соответствующих связях и отношениях; каждой соответствуют физически разделенные места; у каждой должна быть своя степень автономии от других.

Панорамная картина процветающего города не может показать, что третья область опыта так же обособлена, как дом и работа. Неформальная публичная жизнь только кажется аморфной и разрозненной; на самом деле, она четко сфокусирована. Она возникает и поддерживается в *ключевых точках*. Там, где проблема места решена, ключевые точки неформальной публичной жизни быстро образуются в количестве, достаточном для удовлетворения человеческих потребностей.

У Пьера Сэлинджера как-то спросили, нравится ли ему жизнь во Франции и как бы он мог сравнить ее с жизнью в Соединенных Штатах. Он ответил, что Франция ему нравится, потому что там все более расслабленные. В Америке чувствуется постоянное напряжение. Конечно, французы уже решили проблему места. Повседневная жизнь француза прочно стоит на треноге из дома, места работы и еще какой-нибудь точки, где друзья собираются поболтать в полдень и в час вечернего аперитива, а иногда – и до, и после этого часа. В США же, в особенности средние классы, пытаются балансировать на двуноге из дома и работы. Неудивительно, что отчуждение, скука и стресс стали нашими эндемическими заболеваниями. У большинства

из нас третья составляющая жизни ущербна или вообще отсутствует, а оставшиеся две трети не получается удачно свести в единое целое.

Прежде чем ключевые точки неформальной публичной жизни можно будет восстановить в городском ландшафте и в повседневности, необходимо описать их природу и преимущества. Недостаточно будет обрисовать их в мистическом или романтизированном свете, который согреет сердца только тех, кто и так придерживается подобной позиции. Ключевые точки неформальной публичной жизни необходимо анализировать и обсуждать в понятиях, доступных рациональному и индивидуалистическому мировосприятию, господствующему в американской мысли. Мы должны препарировать проблему, говорить в понятиях конкретных выгод и свести эксклюзивный опыт к общепринятым обозначениям. Нам нужно как можно скорее начать защищать эти места от скептиков и противников, и делать это нужно понятными им словами.

Предмет нашего рассмотрения – ключевые точки неформальной публичной жизни – требует более простого названия. В разговорном языке можно найти несколько вариантов, но ни один из них не отличается одновременно краткостью, объективностью и здравым смыслом. У нас есть понятие *hangout*³⁵, но оно имеет негативные коннотации и рисует образы забегаловки или ночного клуба. Хотя мы называем непритязательные места встреч *hangout*, мы редко применяем то же понятие к яхт-клубам или барам с дубовой стойкой – тусовкам «лучших мира сего». У нас нет никакого достойного аналога французскому «рандеву» для обозначения публичного места встречи или точки, где друзья собираются вместе за пределами дома или офиса. Язык американцев отражает американскую реальность: ни в словаре, ни на практике ключевые точки неформальной публичной жизни не получили достаточного развития.

Не найдя подходящего существующего понятия, мы введем собственное: «третье место» здесь и далее будет обозначать то, что мы назвали «ключевыми точками неформальной публичной жизни». Третье место – это родовое понятие для большого разнообразия публичных мест, в которых происходят регулярные, неформальные, добровольные, радостно ожидаемые встречи индивидов вне рамок дома и работы. Я думаю, что это понятие подходит для обозначенной цели: оно нейтральное, короткое и легкое. Оно подчеркивает значимость «треноги» и относительную важность каждой из трех точек опоры. Таким образом, первым местом является дом. Это самое важное место: первая регулярная и предсказуемая среда для подрастающего ребенка, которая окажет большое влияние на его развитие. Дом дает приют индивидам задолго до того, как они становятся интересными с точки зрения работы, и долгое время после того, как мир занятости извергнет их обратно. Второе место – это рабочее окружение, редуцирующее индивида до единственной, производительной роли. Оно поощряет соревновательность и мотивирует людей возвыситься над себе подобными. Также оно обеспечивает их средствами к существованию, улучшает материальное качество жизни и структурирует бесконечные часы для того большинства, которое не может их структурировать самостоятельно.

---

³⁵ Постоянное место встреч»; в современном российском контексте ближе всего к понятию «тусовка» (англ.). – Прим. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.